

Во славном то было Царе-граде
У царя ли у Василья у Окулова
Да заведен был да и почестный пир
Да на многи на князя, на бояра,
На многих на татаровей, на улановей.
И белой-от день идет ко вечеру,
Хорошо-басо да царь да распотешился,
Да выходит царь, проговариват:
«Да многи, многи вы, князья, вы, бояра,
Да вы, сильные могучие богатыри,
Да все вы, татарове да уланове,
Да все у меня в Царе-граде споженены,
Да девицы, вдовицы замуж выданы,
Да прекрасный Василий в холостых хожу.
Не знаете ли мне супротивницы,
Супротивницы да супротив меня?
Да телом ли была как лебедино крыло,
Да походка была бы златорогая,
Да у ней лицо-то – будто белый снег,
Да у ней брови черна соболя,
У ней очи – дак ясного сокола, -
Не была бы друга така на сём свети».
Да все на пиру да призамолкли сидят.
Да и старый карон сидит за среднего,
Да и средний карон сидит да за младшего,
А и от младшего царю ответу нет.
Да из-за того стола из-за окольного
Вставал Таракашка да Заморянин,
Да и сам говорит таково царю:
«Да ты, прекрасный Василь да Окулович!
Да я далече бывал за синим морем,
Я видал там царицу Соломаниду,

Что телом-то она да лебедино крыло,
Да походка-то была златорогая,
У ней личи-то – дак будто белый свет,
У ней очи – дак ясна сокола,
У ней брови – дак черна соболя, -
Не была бы друга така на сем свети». -
«Ты глуп, Таракашка Заморянин,
Ты как от живого мужа жену возьмешь?» -
«Да я знаю ведь, как от жива мужа жену отнять.
Ты построй-ка три корабля черненые,
Да и носы, кормы взводи-ка по-змеиному,
Да бока-то взводи по-звериному,
Да поставь-ка по древу кипарисному,
На древа посади птицы райские,
Чтобы сами там пели, тонцы вели,
Да тонцы вели на Еросалима,
Да утеха-то была да Царя-града,
Да утеха-то была б все царская,
Отбивала бы разум да в буйной голове.
Да еще ты, сударь, сделай повелённое:
Поставь-ка по древу кипарисному,
За очи место ты зрачивай
По целой лисице по пещерской
Да по целому кобелю сибирскому,
Да еще ты, сударь, да сделай повелённое:
Навари-ка ты водки всё дворянские,
Навари-ка питья всё забудущего,
Да и дай мне писарёв-переписчиков,
Да и дай мне работников, не хороводников,
В поездку ту во Царь-града.
Привезу я царицу Соломаниду». -
Да скоро-то Таракашка забирается,

Да в синее море попускается.
Да и будут да поблизи Ерусалима,
Поезжает Соломан-от во чисто поле,
Что пришел он к царице попроститися,
Говорит тут царица таково слово:
«Уж ты, премудрый царь Соломан да Ватасеевич!
Как мне ночесь мало спалось еще,
Да во снях-то мне много виделось:
Да из твоего из саду из зеленого
Да увезли-то лебедь белую.
Да еще ночесь да и мало спалось,
Да и мало спалось, да много во снях виделось:
Покатилась бочка новгородская,
Да посередь избы да рассыпалась».
Да умеет Соломан сам ведь сон судить:
«Хороша ты царица Соломанида!
Сама ты спала, ещё сон видела».
Да и простился, поехал во чисто поле.
Да и взял Таракашка честны даровья,
Да пришел он к царице, поклоняется:
«Хороша ты царица Соломанида!
Да примай от меня да честны даровья.
Дай писарёв мне, переписчиков,
Торговать мне нонь в Ерусалиме».
Да дала писарёв да переписчиков,
Проводил Таракашка на первый корабль,
Подносил всё питья всё забудущего.
Подводил Таракашка на другой корабль,
Подносил всё водки всё дворянские.
Да тут писаря да упивались.
Да пришел ко царице, порасплакался:
«Хороша ты царица Соломанида!

Да не писарев мне дала, не переписчиков,
Да дала ты мне голь кабацкую,
Будто все не пивали зелена вина,
Да лежат, как скотинка крестьянская».
Да сама ли царица подымалася,
Да и брала ли силы до пяти ли сот.
Да приводил Таракашка на первой корабль,
Подносил ей водки всё дворянские.
Проводил Таракашка на другой корабль,
Подносил ей питья забудущего,
Да и тут ведь царица упивалася,
Да сама говорила таково слово:
«Да и где твоя кровать слоновых костей,
Где твои-то перинушки пуховые?»
Проводил Таракашка на третий корабль,
Во ту ли во ложню-то во темную,
Да и тут ли царица засыпала-то.
Закричал Таракашка зычным голосом:
«Уж вы, братцы мои, работнички,
Поднимайте паруса полотняны
Да вы скоро побегайте во сине море».
Подымали нонь паруса полотняны,
Да и скоро побегали во сине море.
Да и будут ведь поблизи Царя-града,
Да и царица тут просыпалася,
Да и сама говорит таково слово:
«Ты ведь глуп, Таракашка гость Заморянин,
Ты сам про себя[1] везешь – так я и нейду,
Так если про друга везешь, – так я и пойду». -
«Хороша ты царица Соломанида,
Не про себя я везу, а про друга,
Про царя ли про Василия про Окулова.

Да и наша-то вера лучше вашего,
Да и в середу и в пятницу скором кушают».
Да и вера эта ей прилюбилася.
Затянули во гавань корабельную,
Встречает Василий-царь да Окулович,
Да берет ведь царицу за белы руки,
Да целует в уста ей сахарные,
Проводили ведь их-то да во Божью церковь,
Да и брали они венец по-своему,
Да и стали ведь жить-быть да век коротати.
Да и приехал ведь царь Соломан из чиста поля, -
Да и не стала царица Соломанида.
Да и брал ведь силы он сорок тысячей,
Да иных сорок тысяч да всё кольчужных,
Да поехал тут царь да круг синя моря.
Оставляет он силу всё под рощами,
Да и силе ведь всё наказ дают:
«Да и вы, братцы вы мои, воины,
Да и буду у смерти я у скорые,
Слободите меня да смерти скорые,
Я и первый раз сыграю во турий рог, -
Да вы скоро седлайте добрых коней.
А другой раз я сыграю во турий рог, -
Да и вы скоро садитесь на добрых коней.
А и третий раз я сыграю во турий рог, -
Дак вы будьте у рели у дубовые».
Попрощался царь, приехал да во Царь-город,
Приходит он к царице, поклоняется:
«Хороша ты царица Соломанида,
Да подай-ка ты мне милостыню!»
Говорит тут царица таково слово:
«Да я вижу, не калика ты не перехожая,

Я вижу, ты премудрый Соломан-царь да Ватасеевич.

Да пожалуй-ка ко мне да во высок терем,

Напою да накормлю да хлебом-солию».

Да заходит Соломан да во высок терем,

Да поит, да кормит, много чествует.

Приехал Василий со чиста поля,

Застучал во кольцо во серебряно,

Говорит тут Соломан таково слово:

«Хороша ты царица Соломанида,

Куда-ка мне нонь да подеватися?»

Отмыкала замки-то двудорожные,

Запускала Соломана премудрого,

Замыкала-то замки двудорожные,

Да садилась сама на новый ларец,

Да сама говорила таково слово:

«Да прекрасный Василий-царь Окулович!

Да сказали, Соломан он хитёр-мудёр,

А теперь Соломана глупее нет,

Да сидит он под... под женскою». -

«Хороша ты царица Соломанида,

Да покажь-ка Соломана премудрого».

Сама говорит да таково слово:

«Да ты, премудрый Василий-царь да Окулович!

Да Соломан ещё ведь да хитёр-мудёр,

Да подай-ка смерть ты ему скорую».

Да говорит тут Соломан таково слово:

«Да прекрасный Василий-царь Окулович!

Да не казни-ка меня по-собачьему,

Да казни-ка меня да ты по-царскому,

Да устрой-ка мне в поле дубовую рель,

Да повесь три петли шелковые.

Да перву петлю шелку черного,

Да вторую петлю шелку белого,
Да третью ту петлю шелку красного.
В первую положи да буйну голову,
Да в другую положи да руку правую,
Да и в третью положи да руку левую, -
Да и так казнят царей по-царскому».
Устроили в поле дубовую рель.
Сели они в карету, поехали.
Говорит тут Соломан таково слово:
«Да и первы колеса уже конь везет,
Да и задни колеса зачем черт несет?»
Да и никто ведь этому не догадается.
Да приехали ко рели да дубовое,
Да выходит Таракашка гость Заморянин,
Да выходит Василий-царь Окулович,
Да выходит царица Соломанида,
Да выходит да Соломан Ватасеевич
Да сам говорит да таково слово:
«Ты прекрасный Василий-царь Окулович,
Дай мне сыграть раз во турий рог».
Да и все тут у рели усмехнулись,
Да сказали: «Соломан хитёр-мудёр,
А и теперь у Соломана смерть пришла,
А и хочет у смерти наигратися».
Да и в первый раз сыграл ведь он во турий рог,
– Да ведь сила-то вся да сколыбалася,
Да и мать-то земля да пошаталася,
Да и убоился Василий, всполохался:
«Да ты премудрый царь Соломан Ватасеевич,
Да и что это в поле стучит-бренчит?» –
«Да не бойся, Василий, не полошайся,
Да у меня ведь из саду из зеленого

Полетела ведь птица во темный лес,
Крыльями бьет крыло о темный лес».
Да другой раз сыграл он во турий рог, -
Да и сила-то вся ведь всколыбалася,
Да ведь и вся мать земля вся пошаталася.
Говорит Василий тут царь Окулович таково слово:
«Премудрый Соломан-царь Ватасеевич,
Да и что в чистом поле конь стучит-бренчит?» -
«Да не бойся, Василий, не полошайся,
Да у меня ведь кони, кони пошли со стояла,
Да и только бьют копытом о сыру землю».
Да и в третий раз сыграл он во турий рог, -
Да и сила-то вся обрыскала,
Будто серые волки обскакали,
Да и снимали Соломана премудрого
Да и со той ли петли, с рели со дубовые,
Да и положили ведь Василья нонь Окулова;
Во ту ли во петлю шелку красного
Да положили ведь царицу Соломаниду,
Да во ту во петлю шелку черного
Да положили Таракашку Заморянина.

1. Про себя – для себя.